

Ныне Великая Ци пребывала в мире и покое уже более трехсот лет. Население по сравнению со временем правления Великого Предка увеличилось вчетверо, а армия и двор содержали целую орду дармоедов. Внешне в стране царило процветание, но на деле уже проявлялись признаки раздутости, упадка и потери управляемости. Наследный принц полагал, что провести реформы жизненно необходимо.

Однако предостережения отца-императора перед смертью не давали ему покоя: если он взойдет на престол и получит абсолютную власть, то не сможет удержать свои порывы к воплощению амбициозных замыслов. Поэтому он хотел перенять у Седьмого брата его отстраненный взгляд со стороны, чтобы остудить собственный пыл, дать брату реальную власть для контроля и тем самым сдержать свои порывы.

Кто бы мог подумать, что даже Лу Цзыяо сегодня прибежит умолять его не принуждать Седьмого брата восходить на престол, ссылаясь на то, что тот еще слишком юн и неопытен.

«Неопытен? Да разве смог бы неопытный юнец завлечь в столицу на помощь пятерых удельных князей?»

«Разве стал бы неопытный юнец тайно объединяться с сановниками и делать вид, будто переходит на сторону врага?»

Наследная принцесса два дня назад уже беседовала с Лу Цянем — она специально достала рукопись своих проектов реформ, чтобы младший брат высказал свое мнение.

Лу Цянь в тот момент еще не знал, что старший брат хочет переложить на него обузу престола, поэтому очень внимательно прочитал рукопись и прямодушно сказал старшему брату:

— Этот закон не работает.

К счастью, наследная принцесса давно привыкла к подобной прямолинейности младшего брата, а потому не рассердилась и терпеливо спросила, почему же он не работает.

Кто бы мог подумать, что младший брат произнесет слова, почти полностью совпадающие с предсмертным наказом отца-императора: ни в коем случае нельзя при помощи власти вмешиваться в торговлю между людьми.

Наследная принцесса возразила: когда простые люди страдают от ростовщичества богачей, это несправедливая торговля; стоит случиться стихийному бедствию, как беднякам приходится отдавать землю за долги, лишаясь единственного средства к существованию.

Лу Цянь же ответил, что вопрос о справедливости пока можно оставить в стороне, но это свободная сделка, да и между богачами есть конкуренция. Крестьяне перед тем, как брать в долг, взвешивают все за и против, и обе стороны в момент сделки по крайней мере в равной степени защищены законами страны. Когда же чиновники соревнуются с купцами или совершают сделки с народом, равные права теряются изначально.

Стихийные бедствия — это непредвиденные обстоятельства. Если хочется уменьшить убытки крестьян от таких происшествий, Новый закон может предусмотреть особые меры на случай бедствий. В подобных исключительных ситуациях можно на законодательном уровне защитить крестьянские земли, но нельзя заменять собой богачей и выдавать крестьянам займы от лица государства.

Наследная принцесса спросила:

— Ты опасаешься, что контроль над палатой амбаров по Новому закону окажется недостаточным и чиновники станут использовать власть для давления на богачей? Об этом я уже думала. Палата амбаров будет независима от прочих ведомств и поступит под мой личный надзор, так что пробиваться через цепочки местных и высших чиновников не придется.

Контроль не поможет — Лу Цянь полагал, что горы высоки, а Император далеко, да и подделать записи в книгах проще простого. Даже если предположить немыслимое и уследить за несколькими чиновниками, разве удастся уследить за простым народом?

Скитаясь среди простого народа больше года, Лу Цянь обнаружил, что такие пороки, как взяточничество и злоупотребления, встречаются не только при дворе, но и среди обычных людей.

Подданные Великой Ци в большинстве своем привыкли искать лазейки и выходы. Даже отправляя детей в частную школу, и бедняки, и богачи наперебой суют учителю серебро, желая, чтобы их ребенок получил больше выгоды, чем другие.

Большинство людей в глубине души сами жаждут несправедливости — так кого отправлять с проверками? И будет ли от этого прок?

Наследная принцесса нахмурилась:

— Выходит, казнокрадство и злоупотребления искоренить невозможно?

Лу Цянь ответил, что полностью искоренить нельзя, но можно уменьшить. «Когда амбары полны, люди узнают этикет; когда сыты и одеты, понимают честь и бесчестие». Если укрепить могущество государства, дать народу разбогатеть и сделать так, чтобы законы страны по мере сил защищали, а не угнетали законопослушных граждан, то воспитанность народа и стремление к справедливости возрастут сами собой.

Тот разговор не привел к общему согласию, но все же заставил наследную принцессу взглянуть на младшего брата иным взором.

Она поняла, что Лу Цянь вовсе не так глуп и наивен, каким кажется со стороны. По крайней мере, главное направление он улавливал точно и действительно мог выступать надежным надзором. Поэтому в конечном счете она и предложила Лу Цяню взойти на престол.

После чего младший брат с помощью легкого шага во весь опор умчался обратно в Южные Три покоя, да так, что на бегу туфли с ног слетели.

— Седьмой брат способен на это, ты просто обманут его внешностью, — наследная принцесса отклонила возражения Лу Цзыяо.

— Даже если у Его Высочества есть способности, его характер совершенно не подходит для правителя! Вы ведь знаете его: если государственных дел станет слишком много... — с тревогой возразил Лу Цзыяо.

— Обычные дела Кабинет министров сможет взять на себя, — непреклонно глядя на Лу Цзыяо, произнесла наследная принцесса. — К тому же таково волеизъявление отца-императора.

Лу Цзыяо вернулся ни с чем. Сам не заметив как, он снова набравшись дерзости пришел в Южные Три покоя и, невзирая на препятствия евнухов, шагнул внутрь на поиски пухлого малыша.

Разум твердил, что к нынешнему Лу Цяню следует относиться с трепетом и почтением, но инстинкты бередили память о пухлом малыше, отчего мысли путались, а пальцы чесались потискать пухлые щечки, чтобы снять тревогу.

Словно забыв о страхе за свою жизнь, Лу Цзыяо ворвался в боковой павильон, но обнаружил, что там никого нет.

Войдя во внутренние покои, он увидел на небольшом восьмиугольном столике кучу узлов. Из одного наполовину собранного узла выглядывали вещи — баночки с медом и сладкие пирожные.

Лу Цзыяо мгновенно разгадал тайный замысел пухлого малыша.

Этот парень безусловно вознамерился «сбежать вместе с медом»! Он не желал становиться императором и хотел залечь на дно, оттого и запретил кого-либо впускать!

— Раскрыл меня? — за спиной раздался голос Лу Цяня с легкой насмешкой.

Лу Цзыяо вздрогнул, обернулся и увидел, как Лу Цянь, слегка прищурившись, смотрит на него.

В тишине бокового павильона слышалось лишь бешено колотящееся сердце Лу Цзыяо.

Помедлив лишь мгновение, Лу Цзыяо с показным спокойствием повернулся к столику, аккуратно завязал недособиранный узел пухлого малыша красивым узелком и невозмутимо поднял глаза на Лу Цяня:

— Куда мы теперь направляемся?

Лу Цзыяо против воли оказался втянут в заговор Лу Цяня, и у него оставалось лишь два пути: разоблачить или присоединиться. Как маленький компаньон, он решил добровольно присоединиться.

Такую преданность Лу Цянь должен был оценить по достоинству и принять слово «мы» — увести его с собой из дворца, подальше от бури вокруг престолонаследия, а заодно навестить Святого Меча, чтобы почтенный старче простил своему упрямому ученику этот бунтарский период.

Именно в этом и заключался глубокий смысл находчивого вопроса Лу Цзыяо: «Куда мы теперь направляемся?».

Лу Цянь тоже уловил суть, слегка наклонил голову и с недоумением переспросил маленького компаньона:

— Мы?

От автора: Разумеется, «мы» — мир только для двоих!

— Именно мы, — Лу Цзыяо быстро подошел к Лу Цяню и со всей серьезностью сказал: — Вашему Высочеству, ускользая из дворца, нужно оставить записку, чтобы все не волновались. Я могу написать ее за вас.

Лу Цянь уголком рта прочертил проницательную ухмылку и вытащил из рукава заранее приготовленный клочок бумаги, протянув его маленькому компаньону.

Лу Цзыяо взял записку и прочел: «Ваш покорный сын отправился постигать боевые искусства».

— Ваше Высочество уверен, что стоит оставлять только эту записку? — Лу Цзыяо с мрачным видом поднял глаза на Лу Цяня. — Если оставите лишь эти слова, вам лучше никогда больше не возвращаться во дворец.

— Почему? — удивленно спросил Лу Цянь.

— Потому что если вы оставите только это, при следующем возвращении матушка-наложница си-фэй оторвет вам ухо, — Лу Цзыяо с жалостью посмотрел на глупенького малыша и ласково добавил: — У Вашего Высочества останется лишь одно ухо, и вы больше не будете красавцем-принцем.

Прищуренные с легкой усмешкой глаза Лу Цяня от испуга мгновенно округлились.

— Верно, ухо вам точно не сохранить, и это еще полбеды! Я боюсь лишь одного... — взгляд Лу Цзыяо стал еще более сочувственным.

— Чего же? — Лу Цянь слегка нахмурился, не в силах представить ничего кошмарнее, чем потерять статус красавца-принца.

Лу Цзыяо прикрыл рот рукой и с наигранным всхлипом произнес:

— Боюсь, старший брат снесет вам голову!

Лу Цянь судорожно вздохнул и нервно возразил:

— И матушка-наложница, и старший брат бьют совсем не больно.

— Это потому, что раньше Ваше Высочество вел себя прилично! — взгляд Лу Цзыяо стал строгим, словно у серого волка, пугающего непослушного ребенка. — Но уехать из столицы и покинуть дворец без разрешения под предлогом занятий боевыми искусствами... Это приведет госпожу и старшего брата в бешенство!

Лу Цянь опустил взор. Густые длинные ресницы наполовину прикрыли его беспокойно блестящие карие глаза; он явно колебался.

Лу Цзыяо нажал еще сильнее:

— Ваше Высочество, вы какое ухо предпочитаете сохранить — левое или правое?

Ни одним ухом жертвовать не хотелось, поэтому принц заключил сделку с хитрым маленьким компаньоном.

Лу Цзыяо лично взялся за кисть и написал искреннее, трогательное письмо, после чего сбежал вместе с пухлым малышом.

Чтобы понять душу бунтующего подростка, сперва нужно погрузиться в его жизнь.

На этот раз Лу Цзыяо пошел на попятную и потакал капризам пухлого малыша лишь потому, что хотел своими глазами увидеть, чем тот занимается за пределами дворца.

Выехать за городские ворота, Лу Цянь привел Лу Цзыяо в небольшую таверну в предместье.

Лу Цянь шлепнул на стол связку медяков и потребовал у хозяйки порцию блюда «Четыре дня Лу Цзыяо».

Лу Цзыяо остолбенел. Ему и в голову не могло прийти, что в предместье столицы найдется заведение, где в меню значится блюдо под названием «Четыре дня Лу Цзыяо».

Оставалось лишь гадать: пухлый малыш заказал это кушанье потому, что обожал его вкус, или просто из-за названия?

<http://bllate.org/book/18379/1767231>